

М. В. Князева

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ КАК СРЕДСТВО
ЭКСПЛИКАЦИИ БИПОЛЯРНОГО РАССТРОЙСТВА ЛИЧНОСТИ
В АВТОБИОГРАФИИ СТИВЕНА ФРАЯ
«МОАВ – УМЫВАЛЬНАЯ ЧАША МОЯ»
(«MOAB IS MY WASHPOT»)

146

Исследуются семантические оппозиции, играющие ключевую роль в изображении биполярного аффективного расстройства личности писателя С. Фрая в его автобиографии. Базой для возникновения оппозиций является онтологическое расщепление личности автора на молодое повествуемое «Я» и зрелое повествующее «Я». Установлено, что данные оппозиции носят как внутриличностный, так и межличностный характер и актуализируются в тексте при помощи релевантных лингвостилистических средств.

This article analyses the semantic oppositions essential for describing Stephen Fry's bipolar affective disorder in his autobiography. This opposition is based on the ontological fragmentation of personality into the young I narrator and the mature I narrator. It is established that these oppositions are both intrapersonal and interpersonal and are manifested through relevant linguistic stylistic devices.

Ключевые слова: биполярное аффективное расстройство, автобиография, семантические оппозиции, повествуемое «Я», повествующее «Я».

Key words: bipolar affective disorder, autobiography, semantic oppositions, I narrator, I narrative.

Стивен Фрай представляет собой одну из ключевых фигур современной британской культурной жизни. Сложно сказать, какой именно вид его деятельности принес ему славу: бывший ректор Университета Данди (Шотландия), Стивен Фрай известен как своими литературными трудами, так и ролями в комедийных сериалах, а также классическим английским выговором. Он является автором художественных произведений, документальной прозы и эссе, а также успешным режиссером и сценаристом.

Несмотря на общественное признание и успех, Фрай тем не менее неоднозначная личность: в прошлом он совершил многочисленные кражи, которые повлекли за собой условное заключение сроком на два года; за ним числится попытка суицида и публичное признание своей гомосексуальности. Помимо этого писатель неоднократно заявлял, что страдает биполярным расстройством личности.

Следует отметить, что при биполярном расстройстве человек регулярно проходит через периоды душевного здоровья и периоды деперсонализации и потери связи с реальностью, что, безусловно, находит отражение во всем творчестве писателя. Одним из показательных в этом смысле произведений является автобиография «Моав – умываль-»

ная чаша моя» («Moab Is My Washpot») (1997), в которой автор с предельной откровенностью и свойственным ему юмором описывает свое детство и юношеские годы.

Внимание читателя сразу привлекает название автобиографии, поскольку в нем функционирует топоним Моав, встречающийся в текстах библейских псалмов 60 и 108. Моав — историческая область в западной Иордании, прекратившая свое существование после падения Иерусалима в 586 году до н. э.

На географической карте государство Моав напоминало умывальную чашу, и, по мнению некоторых критиков, именно этот фактор стал ключевым для Стивена Фрая при выборе названия для его автобиографии (см.: [3—5]).

В послесловии к роману автор открыто дает интерпретацию названия своего произведения, упоминая древний обычай омовения грязных ног в умывальных чашах, характерный для жителей жарких стран. Фрай прибегает к данной аллюзии, поскольку относится к своему роману как к «скрабу от глубоко въевшейся грязи прошлых лет». В завершении произведения перед читателями предстает уже «очистившийся» Фрай возле умывальной чаши с «водой» — его воспоминаниями.

Кроме того, согласно библейским преданиям, Моав — страна, которая была недовольна Богом и вследствие этого подверглась наказанию, однако Бог дал обещание возродить это государство уже очищенным в нравственном смысле. В контексте творчества Стивена Фрая его болезнь может являться таким же наказанием за грехи, но аналогично судьбе Моава у него есть шанс духовного возрождения и очищения в процессе скрупулезного самоанализа на страницах автобиографии.

Переходя от названия романа к тексту, следует отметить, что, по результатам наших исследований, одним из ведущих средств выражения биполярного расстройства автора в романе являются семантические оппозиции, реализующиеся в различных языковых вариантах.

Нами было выделено пять релевантных оппозиций, которые являются ключевыми в экспликации душевной болезни писателя и которые мы расположили в нашем исследовании в порядке градации от внутриличностных к межличностным:

- молодое «грязное» повествуемое «Я» и взрослое «очистившееся» повествующее «Я»;
- воображаемое детское «Я» и фактическое детское «Я»;
- молодое больное «Я» и другие молодые здоровые «Я»;
- воровство «непростительное» собственного «Я» и воровство «обыкновенное» других «Я»;
- внутренний мир «Я» Стивена Фрая и враждебный ему внешний мир других «Я».

Перейдем к более подробному рассмотрению внутриличностных оппозиций в тексте. Как известно, сущностным признаком любой автобиографии является оппозиция Я-нынешнего и Я-прошлого, которая в контексте данного произведения имеет вид «молодое "грязное" повествуемое "Я" — взрослое "очистившееся" повествующее "Я"» и является следствием онтологического расщепления речевого субъекта, выступающего в роли реконструктора пережитого [1]. Таким образом, в рам-

как повествования о собственной жизни Фрая взрослое, уже «очистившееся» повествующее «Я» служит выражением сущности зрелого по возрасту писателя Стивена Фрая, четко осознающего свою болезнь. В свою очередь молодое «грязное» повествуемое «Я», неизбежно дистанцированное во времени, является отражением больного «Я» автора, еще не понимающего, что он болен, и не постигшего сущности своей трагедии. Текстовая реализация и дифференциация двух «Я», формирующих данную оппозицию, происходит на основе механизма работы памяти в отрывках, где он анализирует различные происходившие с его молодым «Я» ситуации и свое душевное состояние того периода.

Особенно отчетливо разница между двумя полюсами «Я» видна в тех текстовых фрагментах, где оба «Я» функционируют в разных временных координатах. Молодое «грязное» повествуемое «Я» (2) соотносится с осью прошедшего, грамматически выраженного Past Perfect в цитируемых ниже текстовых фрагментах (*Had been more devastated, had stayed*), тогда как взрослое «очистившееся» повествующее «Я» (1) — с осью настоящего, переданного Present Simple (*upsets, seems*) в сопровождении модального глагола *have to*, служащего индикатором настоящего времени:

I (1) *have to* confess that it *upsets* me (1) that extract (literary shame inside) *upsets me* (1) because it *seems* to indicate that I (2) *had been more devastated* by my (2) *deflowering at the hands...* [2, p. 40].

Whatever the literary defects of the poem it serves now to remind me (1) just how completely my mind, soul and being (2) *had stayed behind* at Uppingham... [2, p. 40].

Как очевидно, в первом фрагменте перед нами предстают два Фрая: в цитате мы видим, как уже взрослый и мудрый Стивен (1), с высоты лет анализируя свою гомосексуальность в отрочестве, дает оценку своему собственному душевному состоянию, констатируя, что он был гораздо более опустошен, чем ему казалось раньше. Таким образом, молодой «грязный» Фрай (2) через написанную им поэму о несчастной любви к молодому человеку проходит одну из фаз катарсиса, что осознается им уже в зрелом возрасте (1). Также данное произведение служит ему напоминанием о его глубокой привязанности к школе, о чем нам говорит выражение *my mind, soul and being had stayed behind at Uppingham*, осознание чего тоже открывается зрелому «Я» Фрая только сейчас.

Приведенный ниже фрагмент можно считать прелюдией к выражению оппозиции «внутренний мир "Я" Фрая — враждебный внешний мир других "Я"»:

Music is actually about joining in. When I moan about swimming or singing, I'm really moaning about not being able to join in. And I'm not really moaning, either. *I'm trying to recapture an old misery and unravel it* [2, p. 40].

В приведенном отрывке представлена невозможность Фрая «присоединиться», то есть принять участие в групповых мероприятиях, в данном случае — в пении. Музыка оказывается областью, в которой Фрай парадоксально бездарен, о чем писатель также вспоминает и рассуждает.

Данный эпизод показывает нам больше современного, уже переосмыслившего свою жизнь Фрая, нежели молодого. Наиболее ярко это выражено посредством глагола возвращения *recapture* и глагола открытия/разрешения *unravel*. О том, что молодой Фрай тяжело переживал свою бесталанность в музыке и, как следствие, невозможность быть заодно со своими сверстниками, свидетельствует глагол *moan* (жаловаться). Также данный глагол подчеркивает психическую неустойчивость молодого «Я» писателя и в то же время его смирение перед фактом неспособности быть похожим на друзей в данном аспекте.

Следующая выделенная нами оппозиция «воображаемое детское "Я" — фактическое детское "Я"» способствует реализации в повествовании ложных представлений о себе и свидетельствует о столкновении желаемого и истинного. Данная оппозиция, как очевидно, также носящая внутриличностный характер, демонстрирует нам степень осознания взрослым «Я» Стивена завышенности его самооценки в молодости:

For, in spite of all my differences, such as they are, I was never fully the sensitive outsider, the rejected Jew, the outrageous queen or the distanced intellectual that I liked to picture myself to be. I was never quite as intelligent as I thought I was, never quite as bold in my refusal to be conventional, never quite as alienated by my sexuality, never quite as sure of my belonging to the inner life of art and the mind» [2, p. 103].

Для создания максимально негативного образа Фрая-подростка автор прибегает к анафоре и синтаксическому параллелизму (*I was never as... I was never as... I was never as*) и повторам (*never quite... never quite... never quite*).

С высоты прожитых лет Стивену Фраю становится ясно, что в школьном возрасте его личность обладала гораздо меньшей значимостью, чем он себе представлял, что и становится основой для анализируемого нами противопоставления.

Перейдем к рассмотрению оппозиций, носящих межличностный характер, первая из которых — «молодое больное "Я" и другое молодое здоровое "Я"». В тексте романа данная оппозиция реализуется при помощи противопоставления двух видов боли: физической и душевной. По мнению автора, обыкновенным детям гораздо более свойственно остро ощущать физические страдания, нежели душевные ввиду неспособности осознать последние в силу возраста. В свою очередь Фрай находил физические страдания тривиальными и особенное значение придавал своим душевным переживаниям. Данная оппозиция проводит границу между тем, от чего страдали ровесники Фрая, и тем, что наносило наиболее глубокие раны ему самому:

On the grounds that it is wrong to cause a child pain? Well I don't know about you, but *when I recall childhood pain, I don't recall the pains of toothache, a thrashed backside, broken bones, stubbed toes, gashed knees or twisted ankles — I recall the pains of loneliness, boredom, abandonment, humiliation, rejection and fear*. Those are the pains on which I might and, still sometimes do, dwell, and those pains, almost without exception, were inflicted on me by other children and by myself [2, p. 66].

Средством экспликации упомянутой семантической оппозиции в данном отрывке является синтаксический параллелизм. Фрай дважды апеллирует к «той боли», акцентируя внимание читателя на том, что раны, полученные им тогда, все еще приносят страдание сегодня. Внутри данной оппозиции можно выделить еще одну оппозицию — между источниками боли, которыми в детстве писателя были не только другие дети, но и он сам.

Следующая оппозиция межличностного характера — «воровство "непростительное" собственного "Я" — воровство "обыкновенное" других "Я"» — распространяется на еще более широкий слой общества — на этот раз Фрай противопоставляет не детям, а всему «обыкновенному» воровскому миру. Тема воровства очень непроста для Стивена, и он рассуждает о ней с такой же горечью, как о плавании и музыке, способностями к которым он был обделен. Однако на этот раз он возвращается в прошлое не ради философского анализа своих неудач сквозь призму приобретенной мудрости, а ради очередного порицания самого себя за то, что он так и не смог себе простить.

По мнению Фрая, воруя деньги в банке или магазине, ты становишься «обыкновенным» вором, тогда как воруя у людей, которых ты хорошо знаешь (в частности, у своих одноклассников), ты становишься врагом самому себе, рискуя лишиться любви и доверия близких людей:

You can steal from the school, you can steal from a shop, you can steal from a bank. Stealing money from the clothing of friends is... what is it? It is not naughty or unstable or unmanageable or difficult: it is as bad as bad can be. It is wicked, it is evil. It makes you a... Thief [2, p. 73].

Рассказывая о своем «необычном» воровстве, Фрай не случайно описывает именно одежду друзей, из которой он воровал, — нечто очень личное, незащитное, интимное. Осуждая себя, писатель прибегает к синтаксическому параллелизму и анафоре (*You can steal... you can steal...*), а также градации (*It is not naughty or unstable or unmanageable or difficult*), что усиливает эффект от оглашения собственного «вердикта» самому себе — Вор (Thief) — и одновременно звучит как «Виновен!» на заседании суда.

Последняя выделенная нами оппозиция межличностного характера — «внутренний мир "Я" Стивена Фрая — враждебный ему внешний мир других "Я"» — наконец выводит нас на самый высокий уровень конфликта, которым является конфронтация «личность — общество». Номинацией, выражающей все то, что претило Фраю и одновременно являлось предметом его вожделения, становится лексема *HEALTHY* — «здоровый», носящая амбивалентный характер. Ей предшествует аккумуляция метафор, посредством которой Фрай пытается объяснить читателю, сколько несчастий сразу было заключено в данном концепте, традиционно трактуемом как положительная семантическая категория:

There is a word which still means much to the English and which was for many years a rod for my back, a spur to prick the sides of my intent, a Fury from which to flee, a nemesis, an enemy, an anathema, a totem, a bugaboo and an accusation. The word stands for everything I have always wanted not to be and

everything and everyone I have felt apart from. It is the shibboleth of the club I would never join, could never join, the club outside whose doors I might stand jeering, while all the time a secret part of me watched with wretched self-loathing as the elected members pushed through the revolving doors, whistling, happy and self-assured. The word is HEALTHY [2, p. 95].

Как очевидно, в картине мира молодого Фрая существовало четкое разделение на здоровых и нездоровых, и все члены общества автоматически становились участниками того или иного сообщества. В приведенной цитате писатель осуществляет попытку собрать вместе все, с чем он не хотел бы связывать себя или с чем ему не удалось себя связать. В данном случае эта невозможность делает Фрая глубоко несчастным человеком. Авторское выделение слова *HEALTHY* наводит нас на мысль, что в картине мира Стивена Фрая данная лексема носит концептуальный характер. При условии, что Фраю чуждо все, описываемое прилагательным *HEALTHY*, мы можем сделать вывод, что писатель открыто считает себя принадлежащим к числу нездоровых, то есть больных людей. В то же время Фрай доверительно сообщает нам свой секрет: каждый раз, глядя на счастливых, которым удалось вступить в «HEALTHY-клуб», он занимается самоуничижением (*a secret part of me watched with wretched self-loathing*) и маркирует членов данного клуба номинацией *happy*. В результате маркер *happy* получают все, кто является полной противоположностью Фрая, и таким образом, обоснованным становится вывод, что к Фраю можно применить слово *unhappy*.

Особого внимания заслуживает лексема *doors*, являющаяся здесь символом пограничного состояния самого автора (ненависть к *HEALTHY* и зависть к тем, кому доступно быть *HEALTHY*). Двери — граница между всем, что Фрай относит к *HEALTHY*, и им самим; в то же время мы видим динамику этого символа — двери могут быть открыты при осуществлении определенного жизненного выбора, который, однако, молодое «Я» Фрая сделать не в состоянии.

Обобщая вышесказанное, следует констатировать, что в романе Фрая существует целый ряд семантических оппозиций как внутриличностного, так и межличностного характера, являющихся показателем душевного кризиса, в котором находилась личность писателя, а также свидетельством биполярного расстройства его личности.

Основными способами языковой реализации данных оппозиций в тексте выступают главным образом анафора, синтаксический параллелизм, повторы, метафоры и градация. В конце автобиографического романа перед читателями предстает иной С. Фрай, наполнивший свою «умывальную чашу» воспоминаниями, готовый к продуктивному контакту с современными читателями.

Список литературы

1. Бондарева Л.М. Структура и функции субъекта речевой деятельности в текстах мемуарного типа (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994.
2. Fry St. Moab Is My Washpot. L., 2003.

3. *Guardian*, The. 2010. 1 Nov. URL: <http://www.theguardian.com> (дата обращения: 13.08.2014).
4. *New York Times*, The. 2012. 13 June. URL: <http://topics.nytimes.com> (дата обращения: 2.09.2014).
5. *Telegraph*, The. 2014. 24 Sep. URL: <http://www.telegraph.co.uk/> (дата обращения: 30.09.2014).

Об авторе

Мария Викторовна Князева — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: rouche@nm.ru

About the author

Maria Knyazeva, PhD student, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: rouche@nm.ru